[Polaris]

Дмитрий
СИГОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В СОЛНЦЕ И НА ПЛАНЕТУ МЕРКУРИЙ И ВО ВСЕ ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ МИРЫ

Путешествие в Солнце и на планету Меркурий

Дмитрий Иванович Сигов

Аннотация
POLARIS
Дмитрий СИГОВ. ПУТЕШЕСТВИЕ В СОЛНЦЕ И НА ПЛАНЕТУ МЕРКУРИЙ. И ВО ВСЕ ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ МИРЫ
ПУТЕШЕСТВИЕ В СОЛНЦЕ И НА ПЛАНЕТУ МЕРКУРИЙ
ТОЛКИ МОСКОВСКИХ ЖИТЕЛЕЙ О КОМЕТЕ 1832 ГОДА
ТОЛКИ О КОМЕТЕ
СЦЕНА I. КАБИНЕТ КНЯЗЯ ВСЕЗНАЕВА
СЦЕНА II. ГОСТИНАЯ КНЯГИНИ РАЗСУДИХИНОЙ
СЦЕНА III. ГОСТИНЫЙ РЯД
СЦЕНА IV. КОМНАТА В ДОМЕ КУПЦА СУЕВЕРОВА
СЦЕНА V. КНИЖНАЯ ЛАВКА
ПРИМЕЧАНИЯ

Аннотация

Путешествие в Солнце и на планету Меркурий и во все видимые и невидимые миры. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. - 52 с. (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXLV).

Книга включает маленькую фантастическую повесть «Путешествие в Солнце и на планету Меркурий и во все видимые и невидимые миры» и «Толки московских жителей о комете 1832 года» — плоды досугов чиновника-литератора 1830-х гг. Д. И. Сигова. Оба произведения, переиздающиеся впервые, были навеяны страхами «светопреставления» и гибели Земли в результате столкновения с кометой Биэлы.

SF, Early Russian SF, Comet Fears, НФ, ранняя русская НФ. страхи кометы

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXLV (145)

Дмитрий СИГОВ
ПУТЕШЕСТВИЕ В СОЛНЦЕ И НА ПЛАНЕТУ МЕРКУРИЙ
И
ВО ВСЕ ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ МИРЫ

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СОЛНЦЕ
И
НА ПЛАНЕТУ МЕРКУРІЙ
И
ВО ВСѢ ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ МІРЫ.

Отъ глупостей, страстей земнаго міра,
Лечу — въ прелестный вѣчный міръ! . . .

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1832.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СОЛНЦЕ И НА ПЛАНЕТУ МЕРКУРИЙ

О Боже Всемогущий!
Дай крылья Серафима
Смертному, — к Тебе безсмертному
лететь!...

Мыслящая душа есть сфера, в которой волнуются страсти смертнаго. Она есть тот обширнейший и совершеннейший хаос, родившийся от одного могущественнаго слова: «да будет!....» Она есть *все*, когда управляешь смертным, вся жизнь человека, все совершенство его на земле — есть дух, происходящей от души.... Человек не может видеть души, но он познает ее внутренним чувством, как идеал, не имеющий никакого вещественнаго состава, никакой наружной формы. Все вещественное и невещественное, все видимое и невидимое подчинено сему идеалу — *душе*. И так душа есть то высокое и совершеннейшее существо для человека, которое состоит из *жизни*, *чувства* и *мысли*.

Первую степень душевнаго совершенства составляют жизнь и чувство; а вторую и высочай-

шую — мысль, развивающаяся в воображении и созревающая в разсудке.

Как искра от кремня производит огненное пламя, так искра мысли, зароненная в воображение, освещает и делает доступным для смертнаго тот невещественный идеальный мир, в котором уготовано Всемогущим высокое и совершеннейшее и вечное блаженство для души, коей и главная цель земнаго существования есть получить сие блаженнейшее безконечное бытие.

И так воображение в душевной сфере есть ничто иное, как главнейший орган ея земнаго существования. С помощию сего воображения, человеку, одаренному великими душевными качествами, открыто все в видимом и невидимом, вещественном и невещественном, настоящем и будущем мирах.

Добрые и почтенные мои читатели! Любезныя и милыя мои читательницы! Извините меня, что я так *слишком много* зафилософствовался своими романтическими мыслями, и, подобно воображению, унесся в сферу фантазическаго мира!... Да и все мое путешествие должно быть ничто иное, как романтическая мечта, как фантазическая мысль, унесенная на легких крыльях воображения в хаос невидимаго мира!.... И так

покорнейше прошу слушать!... Но позвольте еще сказать: все, что мною не напишется здесь, будет собственное мое, без всяких похищений у Шеллингов и Штуцманов, которые и то уже общипаны и обкрадены *некоею братиею*, сделавшеюся чрез-то смешными эстетиками, фил.... и проч. Я оставляю в покое *эту братию* вопиять в пустынях Русской Литературы; о том, что будто бы *мыслящая душа* может быть больна (смот. Молву № 22, за 1832 год)! Оставляю в покое и тех *новых Философов Руских*, по словам которых: *всякое бытие составляется из посторонних стихий; стихии составляют жизнь, а жизнь составляется из самобытнаго развития!* (Смотр. Телескоп № 2, за 1832 год, стр. 172 и 173—). То есть, другими словами: нелепость составляет нелепости, и дурачество раждает дурачества! Но от чего ж происходят нелепости и дурачества? Разумеется от глупости мыслящей души!....

Извините, почтеннейшие читатели и читательницы! опять заговорился! Ей, ей! ведь наша милая Литература такая прелесть, что ее нельзя подробно описать ни в каком сатирическом

романе, ни в какой смешной Комедии[1], ибо нелепостей в ней обретается столько, что надобно на подробное скопирование их несколько сот годов времени, на просмотрение — несколько сот Ценсоров, а на напечатание несколько тысяч типографий! О читателях же и покупателях ни слова: их найдутся миллионы!.....

И так еще сию минуту начинаю свое знаменитейшее путешествие! Оно начнется с перваго слова, после последней точки, поставленной у сего словца.

Пять часов утра, по Нортоновым карманным часам, сделанным в Лондоне, починенным в Париже, поверенным в Москве, а заплаченным за их вещественный состав и невещественное достоинство сто гиней, что составит на Русския или Российския деньги слишком две тысячи пятьсот рублей!.... Должны быть эти часы верныя!... И так я встал, как выше сказал — в пять часов утра. Солнце уже очень высоко поднялось на синеватый горизонт, который мы именуем небом, стихиею всех благ для земли!.... Лишь только я

[1] Примечания: 1

Ах, извините! Есть, кажется, о ней кой-что в романе: Граф Любский, соч. Г-на Сигова, и в Комедиях: Вечеринка Ученых и Писатели между собой, соч. Г-д Загоскина и Головина.

встал, умылся и оделся, как в туж минуту вошел ко мне друг мой Крылышкин. При первом шаге его вступления в мой кабинет я услышал из его пламенных всеглаголемых уст: «Поздравляю тебя *перваго друга* с первым днем перваго года, после небывалаго, всеми ожидаемаго, светопреставления, от котораго думали, что разрушится не только земный шар, но и Лунный и Солнечный и все видимые и невидимые, а они, к счастию нашему, остаются целым-целехоньки!».. После такого длинаго поздравления, которое, как надобно догадываться по смыслу, произнесено было экскпромтом, я невольным образом зевнул и молча показал стул моему другу. Он уселся преспокойно, а я, дабы не дать его безмысленной фантазии большаго развития в хаосе пустословия, начал с ним следующий разговор:

— Знаете ли, мой друг, что я сию минуту еду путешествовать!

— «Куда?»

— В Солнце! и на планету Меркурий.

«В Солнце! Что вы хотите этим выразить?»

— А именно то, что я еду в Солнце, дабы осмотреть все видимые и невидимые, знаемые и незнаемые миры, планеты, кометы и прочее, и прочее, и прочее.

При последних моих словах, друг мой встал с места и что-то тихо произнес; потом обратясь ко мне сказал:

— «Прощайте-с!... Я-с...»

При выходе его за двери я услышал, что он произнес громко: «Он совершенно сошел с ума!... а как жаль: он был первым моим другом!» Вот что значил его скорый уход! вскричал я с удовольствием и с удивлением. Он меня принял за сумасшедшаго!...

Ах еще извините меня, почтеннейшие читатели! Еду, еду, а все ни с места!... Но таков был и будет весь род смертных! Мы любим только скоро обещать, а исполнять — всякой знает, кто много обещает — ведь очень трудно!...

Эй! Антошка! поди сюда!... «Сию минуту!» отвечает мне охриплый голос за дверью. Камердинер входит. Но представьте мое удивление: он уже был почти пьян!... Почемуж он рано упьянел? А потому, Мм. Гг., что по Русской пословице: «кто празднику рад, тот и до обедни пьян!» А в это утро точно был праздник!....

Еду, еду!.... сию минуту!.... Раз зевнул?.... другой зевнул!.... Что, что такое! О! как высоко!... Да я уж подъезжаю к Солнцу!... Ах как жарко!... В самом деле величайший жар!... А я, поверя словам

одного Русскаго Физика, думал, что Солнце суть ничто иное, как темный шар, не имеющий никакого огненнаго вещества и все свои огненныя силы получающий от частиц электрических, химических, магнитических, находящихся в воздушной сфере!... Но Русский Физик обманул меня! теперь ему не буду верить!... Посмотрим на землю! Какой прелестный вид!... Все Империи, все Царства, все Королевства, что называется, как на подносе, под ногами!... Это что за высокия башни? — А! Это С.-Петербургская, Берлинская, Парижская, Лондонская, Пекинская и прочия и прочия обсерватории!... Но эте мухи, ползающия на них, кто такия? — Это человеки, именующиеся людьми *учеными!* Что они делают? Ловят за хвост Меркурия, котораго уже давным давно не видят в свои телескопы!... А люди, и может быть из сих же ученых, вчера еще утром оглашали воздух, что этот Меркурий разрушит землю, то есть сделает светопреставление! Ой люди, люди! Как вы глупы!... Ну можно ли вам после этого верить?...

Стой!... я доехал!... Вот и в Солнце! Дайте осмотреться!... Боже мой! Что это!... Кажется здесь не тепло и не холодно, а я уж весь сгорел, ибо не имею ни рук, ни ног, ни головы, ни туловища!... Одна душа, одна мысль, одно воображение со

мною и во мне!… Вот каково путешествовать в Солнце!…

Еду прогуливаться по Солнечному миру. Слушайте, почтенные читатели, что я там заметил!

Первому моему взору попалась огненная река, попаляющая все, но ничего не сжигающая. Она течет не так как реки на земле, но перпендикулярно к верху, то есть столбом или фонтаном, от котораго падающия искры составляют солнечные лучи; Черныя пятна, видимыя в Солнце земными Астрономами, суть ни что иное, как Солнечные города, которых здесь так много, что нет им никакого счету, никакой Географии, никакой Статистики!… Эти города населены большею частью существами вечно существующими, коих вид, образ, форма походит на идеи *умнейшаго философа*, каков, например, хоть я!…[2] Все существа Солнечнаго мира или люди солнечные питаются манною, приносимою к ним огненными крылатыми птицами. Эта манна, говорят тамошние жители, столько приятна, что еслиб случилось ее вкушать земному человеку, имеющему вещественный состав тела, то он проглотил-бы, как

[2] Примечания: 2

Если кто не вврит, что в Солнечных мирах должны быть жители, то того прошу я взглянуть в Вестник Европы, издан. в 1810 году, № 6, стран, 116–126.

говорится, язык свой!… Главное занятие солнечных обитателей состоит в том, что они ничего не делают! Это происходит от того, что они, не имея настоящих дней и ночей, каковыя мы видим на земле, почитают весь свой огненный мир за один величественный и великолепнейший праздник, которому не было, несть, и не будет конца во веки веков!… Как счастливы жители Солнца!… Но за чем стало дело? — Ведь люди, живущие на земле, также могут жить в Солнце, подобно мне путешественнику…. Нет, они не хотят запастись этой жизнию, не зная её блаженных выгод и не имея времени хорошенько об ней подумать!… А право мне очень жаль этих почтеннейших земноводных обитателей, которые так мало заботятся о жизни солнечной! Бедное человечество! ты еще…. Тс! тише!… Что это такое? Боже мой!… Какое зрелище!…. Где я? Что я?.. Да, да! в Солнце…. Но что я видел, что я слышал!.. Ах за чем я не имею на этот случай своих земных ушей и глаз! Впрочем это ничего: я могу и без них все пересказать! Слушайте, но только со вниманием!…

Не знаю, не могу припомнить, то-ли я шел, то-ли ехал, то-ли летел, но только увидел следующее:… Да! вы думали я и в самом деле вам скажу, что я видел и слышал? Не угодно ли самим

любопытным туда спутешествовать! Путь очень гладок, а потому, следовательно, и очень скользок!... Но так как я обещался вам, почтеннейшие мои читатели, сказать кой-что о виденном и слышанном мною, то я, хоть после шутки, но сдержу свое слово, ибо солнечные жители строго запрещают обманывать, в чем бы ни было и кого бы ни было.... Слушайте!

Я летел по Солнечному миру, на воздушной легкой невещественной колеснице, столь богатой, столь изящной, столь великолепной, что... ей, ей, не в силах ее я описать!.. И так я летел, летел, летел и вдруг увидел, что на воздушных огненных облаках несутся мимо меня несколько миллионов прелестнейших гениев, которые столь красивы, столь прекрасны столь изящны, что я растаял весь в удивлении. Они пели какую-то мелодию и так прелестно, что еслиб хоть один из них слетел на землю и спел-её, хоть в полголоса, то все земнородные забылись бы от восхищения и, бросив все свои вещественныя и невещественныя земныя хлопоты, полетели-бы за ним в Солнечный их мир!... Я хотел лететь за сими гениями, но один из них, подлетевши ко мне, сказал; «Вспомни, что ты еще смертный, а потому и не имеешь права вкушать наши удо-

вольствия! Но если поклянешься вечно оставить свою землю, то можешь быть выбран в наш хор?» — Я молчал, а между тем они все скрылись!.. Я очень жалел, что не мог произнести клятвы, но вспомня свою обязанность путешественника, я полетел туда, куда несла меня крылатая моя колесница.

Чрез несколько моментов я подлетел к огненному морю, которое стояло не колыхаясь и имело столь блестящую свою поверхность, что превосходило в миллионы раз все видимые мною на земле бриллианты. Я посмотрел в это море и, к величайшему своему удивлению, увидел в нем следующее: Луну, звезды и все видимыя и невидимыя, знаемыя и незнаемыя кометы и планеты, усматриваемыя и предполагаемыя нашими земными Астрономами. Луна мне показалась величайшею и огромнейшею и прекраснейшею сферою, которой блеск отражается в огненном море также величественно, как солнечные лучи на земном шаре. Она, повидимому, в море находилась очень неглубоко, а потому я и мог удобно разсмотреть все имеющееся в ней. Черныя пятнышки, усматриваемыя земными Астрономами в Луне и почитаемыя ими за горы и леса, суть ни что иное, как ея великолепнейшие и краси-

вейшие города, населенные жителями, вероятно сюда занесенными всемирным потопом, или пришедшими по величайшему столбу Вавилонскому. Все они походили один на другаго и были красивейшаго вида, но к удивлению моему, как и все солнечные жители, не имели никакой наружной формы, никакого вещественнаго состава, какой мы на земле именуем телом. Занятия и образ жизни их мне неизвестен, ибо я не был у них в гостях, а видел только их с стороны; но по видимому, как может предположить смертный в своем воображении, они также, кажется, ничем не занимаются, подобно своим соседям — солнечным жителям. — Звезды, видимыя с земли, суть ничто иное, как светлыя острова на сем блестящем море. На них также есть жители, но они во всем подобны жителям Луны, а потому их подробное описание я здесь и оставляю. — Кометы и планеты, видимыя и невидимыя, знаемыя и воображаемыя земными Астрономами, я почитаю за блистающия рыбы сего огненнаго моря, имеющия невещественный состав и чудесную удивительнейшую наружную форму. Одни из них, имеющия крылья и хвосты, мы именуем кометами; а другия с одними крыльями — планетами. Первых, повидимому, должно быть больше

последних; но только сии последния гораздо величественнее первых. Я начал разсматривать кометы, из которых многия я видал даже с земли; в числе их я увидел и ту страшную и величайшую для земли комету, которая являлась в 1812 году с своим великолепнейшим и прелестнейшим хвостом, от котораго и в нынешнем году ждали, ждут и будут ждать до 1836 года разрушения земли, то есть светопреставления[3]. О других мною здесь замеченных кометах я не скажу ни слова, потому, что они иногда также путешествуют по земной Сфере, но никогда не производя никакого впечатления на земных жителей, и даже нередко просматриваются и всевидящими зоркими глазами наших *ученейших и умнейших Астрономов.* — Теперь обращаюсь к планетам. Но чтоб лучше познакомится с ними, сию ж секунду еду к ним в гости, то есть лечу в огненное море…

«Здравствуй, любезнейший Меркурий! Все ли ты здоров, после вчерашняго своего путешествия по нашей земной Сфере?… А очень жаль, что ты не заехал ко мне в гости: я угостил-бы тебя всеми земными благами!»…. Вот были первыя мои

[3] Примечания: 3

Смот. Толки Московских жителей о комете 1832 года, издан. Д. И… Сиговым, сего 1832 года

слова, сказанныя во услышание всем живущим существам на планете Меркурие. Я подлетел к одному Гению, одушевленному, невещественному существу, жителю вечно прекраснаго и вечно страшнаго для земли Меркурия, и начал с ним следующий разговор:

Я. Не обезпокоил-ли я вас своим посещением?

Гений. Помилуйте! Мы очень рады вам!...

Я. И так позвольте мне вас спросить кой о чем!

Гений. Извольте! Я с удовольствием вам буду на все отвечать!

Я. Хочется мне знать: чем вы занимаетесь?

Гений. Ничем!

Я. Чем вы питаетесь?

Гений. Ничем!

Я. Помилуйте! Да как же вы живете?... Прошу вас это растолковать мне?

Гений. Мы есть цель совершенства *всего* и *ничто!* Это тайна, которая для смертнаго не понятна до той счастливейшей минуты, в которую он переселяется к нам на вечное житие!...

Я. Как! Не ужели и я буду когда нибудь наслаждаться вашею счастливейшею жизнию?

Гений. Будете! Но только тогда, когда совершенно оставите свое земное жилище, с известными условиями!..

Я. Какия ж эти условия?

Гений. Условия самыя легкия и известны каждому смертному, живущему на земли!…

Я. Я вас не понимаю!…

Гений. Поймете, когда возвратитесь на землю и вспомните мой с вами разговор!…

Я. Но растолкуйте мне хоть то: как вы родились, и кто ваши родители?

Гений. Рождения моего вам знать теперь не должно, ибо вы узнаете его тогда, когда переселитесь на вечное к нам жилище. Родители же мои, или родитель, есть общий наш Всемогущий Творец.

Я. Скажите же хоть то, кто вами повелевает?

Гений. Нами повелевает Тот, Кто создал *всё*. Впрочем мы все равны. Это равенство есть высочайшее благо для всех живущих, но только вы, земные обитатели, не умеете им пользоваться….

Я. Ах! я завидую вашей счастливейшей жизни!…

Гений. Не завидуйте! Зависть раждает грех, которым лишаются смертные, живущие на земле, нашей блаженной жизни!…

Я. Но скажите: скоро ли я могу быть обитателем в вашем мире?

Гений. Это мне не известно: оно зависит от Того,

Кто повелевает *всем!*

Я. Ах, как жаль, что вы это не знаете!... Но скажите хоть то, за чем вы вчерась путешествовали по сфере нашей земной планеты?

Гений. Мы прогуливались!... Но и это сделано было по воле Того, Кто управляет *всем.*

Я. Часто ли вы совершаете таковыя ваши прогулки?

Гений. И часто и редко, то есть как повелит Повелитель *всего*.

Я. Ах, какой величайший страх вы навели на земных жителей своею вчерашнею прогулкою!...

Гений. Можешь быть только одни глупые земные жители испугались нашей прогулки!... Впрочем и ум, не подвластный разсудку, также может произвесть глупыя мысли.

Я. Еще позвольте вас спросить: прочия планеты, видимыя мною здесь, имеют ли подобных вам жителей, и также могут-ли прогуливаться по нашей земной сфере, как вы прогуливались вчерась?

Гений. Все планеты, видимыя вами здесь, населены одинаковыми существами, подобными мне, и все могут, и даже обязаны прогуливаться по вашей земной сфере, но только ваши Астрономы не могут их всех приметить: ибо вся их

астрономическая мудрость состоит в том, что они *ничего не знают!*...

Я. Следовательно, они не могут и того предузнать, с помощию своей Астрономии, когда ваша планета Меркурий столкнется с нашею планетою — землею и сделает оной совершенное разрушение, то есть *светопреставление?*

Гений. Боже мой!... Вы меня удивляете таковым вопросом!... Впрочем прошу вас уверить ваших Астрономов и всех пророков, что они очень смешны и жалки, когда хотят предузнать *непредузнаваемое!*... Все это зависит от Того, Кто создал *все* и повелевает всем.

Я. Верю словам вашим.... Но будущая участь с землею наводит на всех ея жителей невольный страх и трепет!...

Гений. Помните слова: *«Веруйте, но не испытуйте!...»*

С последними словами Гений, со мною разговаривавший, от меня скрылся, и я увидел себя летящаго уже на землю. Опять какое величественное зрелище представилось мне! Предо мною и подо-мною открылись все кабинеты Европейских, Азиатских, Африканских, Американских и Ост- Индийских Ученых, Вельможей, Князей, Графов и прочей братии. Я обратил взор

свой также и на их гостиныя и залы, на кухни и винные погреба, и на прочее, и на прочее, и на прочее… И я хотел описать разныя диковинки, мною усмотренныя в их кабинетах, но оставляю это намерение, потому, что для описания сего существуют на земле нелепейшие Журналы и Газеты.

Вдруг заглянул я в гостиную и увидел следующее: На богатом диване сидят три персоны женскаго рода: одна Княгиня, другая Графиня, а третья Боярыня, или простая Превосходительная Барыня. В креслах сидели: один Князь, другой Граф и третий Боярин, или Барин с знаменитейшим титулом — Ваше Превосходительство. Все они поочереди говорили следующее:

Княгиня. Ну, что, Князь, скажешь о вчерашней страшной планете — Меркурие?

Князь. Ничего, Ваше Сиятельство!… Меркурий прошел Меркурием!…

Графиня. Ах, Князь, как вы *судите* об этом страшном Меркурие *равнодушно!…* Ведь он опять скоро ворошится к земле, и тогда уже сбудется то, что ожидали вчерась….

Граф. Да, да, уже об этом и в С.-Петербургских Ведомостях пишут!… Тут же кстати напечатано,

что будто бы мы еще увидим знаменитейшую комету *Энке*, которая покажется нашей земли: 3 Мая, 24 Июня, 27 Сентября и 8 Октября сего года.

Боярыня. Да, да, Ваше Сиятельство!... Это сущая правда!... Сверх того взгляните, что напечатано в Радуге о сих кометах — уморушка да и только!...[4]

Боярин. Там утверждают, что будто бы вся наша древнейшая и новейшая Астрономия сущий вздор!...

Конца разговора я не мог уже услышать: ибо преспокойно и пресчастливо спустился в свой милый кабинет^. Следовательно и мое путешествие в Солнце, и на прочия кометы и планеты, и во все видимые и невидимые миры сим кончилось....

И так:

На легких крылышках воображенья,
Я побывал в миру всего-забвенья!...

Теперь остается предупредить почтеннейших и любезнейших читателей, прелестнейших и миленьких читательниц, что сие маленькое сочинение есть легкий *гениальный* труд известнейшаго Русскаго Литератора, который из

---

[4] Примечания: 4
Смот. Радугу, Журнал, издав. в Ревеле, № 3, за 1832 год, стран. 137-154

скромности хочет скрыть свою фамилию в литере: S. Также он осмеливается предупредить, что это его сочинение будет продаваться весьма дорого, ибо оно, по его мнению, имеет очень много отличнейших, новейших мыслей, а потому за это и предвидится ему, что:

Русский добренький народ Даст финансовый доход!

К О Н Е Ц.

ТОЛКИ МОСКОВСКИХ ЖИТЕЛЕЙ О КОМЕТЕ 1832 ГОДА

ТОЛКИ

МОСКОВСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ

О

КОМЕТѢ 1832 ГОДА,

ИЗДАННЫЕ

ДМИТРІЕМЪ СИГОВЫМЪ.

„Свѣтъ — Комедія смѣшная,“
Мудрецы твердятъ давно.
Глупымъ роля въ немъ большая,
А играютъ всѣ умно!

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1832.

ТОЛКИ О КОМЕТЕ

СЦЕНА I
КАБИНЕТ КНЯЗЯ ВСЕЗНАЕВА

КНЯЗЬ СИДИТ В КРЕСЛАХ И КУРИТ ТАБАК; В ОТДАЛЕНИИ ОТ НЕГО У СТОЛА СИДИТ ЧЕЛОВЕК ПОЖИЛЫХ ЛЕТ В ОЧКАХ И СМОТРИТ НА ЛЕЖАЩИЯ НА СТОЛЕ БУМАГИ И КНИГИ.

Князь. Ну, что, Ослинский, как ты думаешь о нынешней комете?

Ослинский *(молчит, смотря на ландкарту, будто не слыша Князя).*

Князь. Э, э, друг! Да ты очень занят, смотря на ландкарту!… Смотри, не унесись путешествовать по ней, подобно Вельтману!

Ослинский *(вздрогнувши).* О каком путешествии изволите говоришь, Ваше Сиятельство?

Князь *(смеясь).* О твоем — по географической карте!…

Ослинский *(опять начал смотреть на ландкарту).* Вы шутите, Князь!…

Князь. Послушай, Ослинский! Я тебя спрашиваю, что ты думаешь о нынешней комете?

Ослинский. О комете? Я думаю, Ваше Сиятельство, смотря на сию ландкарту, что она теперь в

гостях в Китайской Империи!

Князь. Ха, ха, ха! В самом деле?

Ослинский. Будте уверены!.. Да разве вы, Князь, забыли о том, что писали в прошлом году, будто бы в Китае провалился какой-то город?

Князь. Помню! — Что ж из этого вы заключаете?

Ослинский. А то, что этот город, по моему мнению, провалился не от чего друга-го, как от того только, что комета, которая идет нынче к нам в гости, задевши его своим хвостом, послала путешествовать в преисподнюю!

Князь *(хохочет).* В уме ли ты, Ослинский?... Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!..

Ослинский. Что ж вам смешно, Ваше Сиятельтельство? — Я мог бы вам даже представить на это и доказательство, еслиб нашел на этой карте сей город, для того чтобы узнать, под которым он стоит градусом, и определить его высоту над морем.

Князь. Бредни, сударь, вы заводите, бредни! Ну можно ли этому поверить, чтоб комета имела какое нибудь влияние на нашу землю?

Ослинский *(вставши с места).* Как! Вы не верите, Князь, чтоб комета имела влияние на нашу землю?

Князь. Да, не верю и смеюсь даже над тобой, что ты столько суеверен?

Ослинский. Над моим суеверием? — *(Садясь в кресла, в сторону.)* Чорта вы знаете, Ваше Сиятельство. *(Князю.)* Но если я докажу вам, Князь, свое мнение, тогда вы что скажете?

Князь *(вставши ходит по комнате).* Но я наперед знаю, что твое доказательство будет сущий уморительный вздор!...

Ослинский *(смотря на Князя).* Но вы за кого меня принимаете, Ваше Сиятельство?

Князь. Разумеется за своего друга, над суеверием котораго я смеюсь от чистаго сердца?

Ослинский. Князь! вспомните, что и я был некогда учен?..

Князь. Знаю, знаю, мой друг?.. Но мне весьма странно видеть тебя столько суеверным, что... ха, ха, ха!... вы думаете... ха, ха, ха!...

Ослинский. Да! я думаю, я предвижу, я знаю уже, что комета..

Князь *(прерывает).* Молчите, сделайте одолжение, и не стыдите себя более!.. Очень уже довольно видно, что вы, учившись многому, весьма многому, ничего не знаете, будучи так суеверны..

Ослинский *(вскакивает и кричит).* Князь, так

знайте же, что я вам могу доказать астрономически, географически, статистически, физически и политически, что значит эта комета, за которую вы меня называете суеверным!...

Звездочетов *(входит).* Что за шум у вас, Ваше Сиятельство?

Князь. Ба! друг мой: вот кстати!... Здоровы ли?

Звездочетов *(садится на софу).* Слава Богу! Но кажется, вы о чем-то спорите?

Князь. Да, да, и мы надеемся, что вы нас помирите!

Звездочетов. В чем дело? Не о комете ли?

Князь. Отгадали!

Ослинский. Послушайте! Его Сиятельство не хочет верить, чтоб комета, низпровергшая уже несколько городов в Китайской Империи, пришедши в Россию могла задеть своим хвостом за нашу землю!

Звездочетов. Но о какой вы говорите комете: о нынешней, или будущей в 1835 году?

Ослинский. Разумеется о нынешней, у которой будешь хвост — на тысячу верст!

Князь *(хохочет).*

Звездочетов. Ха, ха, ха!.. Но кто вам сказал, что нынешняя комета будет с хвостом?

Ослинский. Как, кто сказал? Да я сам своими

глазами читал — это было напечатано: *в Европейце, в Московских Ведомостях и Молве!*

Звездочетов. Жалею, что вы худенько знаете Русскую грамоту!

Ослинский. Как? почему?

Звездочетов *(смеясь).* Потому что в этих-то самых изданиях и напечатано, что явящаяся в нынешнем году комета будет без хвоста, следов…

Ослинский. Как! без хвоста? Врете, сударь, врете!… *(В сторону).* Они оба сущие дураки! *(Уходя из кабинета, поет):*

Говоришь я с дураками ненамерен!
Один из них пожалуй скажет:
Ведь я и Астрономией уверен,
(И что мудренаго — ведь он докажет),
Что комета точно без хвоста!
И для узнанья всех проста! —
А я пойду и разглашу
И даже во Пчеле я напишу:
Что она ужасна
И для земли опасна!

(*Уходит. Князь же во все продолжение его разговора сильно смеется.)*

СЦЕНА II
ГОСТИНАЯ
КНЯГИНИ РАЗСУДИХИНОЙ

КНЯГИНЯ, СТАРУШКА ЛЕТ СЕМИДЕСЯТИ СИДИТ НА ДИВАНЕ; ПЕРЕД НЕЙ СТОИТ СТОЛ С КНИГАМИ И ГАЗЕТАМИ. У ОКНА СИДИТ НА СТУЛЕ МОЛОДАЯ КНЯЖНА, ВНУЧКА

КНЯГИГИНИ, ЧИТАЯ *Молву*. У ДРУГАГО ОКНА СИДИТ В КРЕСЛАХ ЧЕЛОВЕК ПОЖИЛЫХ ЛЕТ И ДРЕМЛЕТ.

Княгиня, *(нюхая табак).* О, хо, хо!... Последния времена!...

Дремотин *(слыша слова Княгини, но непонявиш их смысла).* Да, Ваше Сиятельство!...

Княгиня *(Княжне*). А когда комета-то придет в Россию-то?

Княжна *(с удивлением).* В Россию?

Княгиня. Да, да, в Россию! Ведь она уже давно в Китае!

Дремотин *(не понимая смысла слов).*

Да, да, в Китае, Ваше Сиятельство!...

Княжна. Этот урод что еще толкует! *(Княгине).* Помилуйте! что вы это говорите, Ваше Сиятель-

ство?

Княгиня *(нюхая табак).* Я говорю то, что комета, которая, размахивая своим хвостом, разрушает теперь Китайскую Империю, скоро ли будет к нам?..

Княжна. Как к нам? Да она уже существует над всею землею вообще! —

Дремотин *(не понимая смысла слов.)* Да, да вообще, Ваше Сиятельство!...

Княгиня. Как над всею землею? Но почемуж мы не видали еще её хвоста?

Княжна. Да его и не будешь, Ваше Сиятельство!

Княгиня. Не будет! хвоста не будет? Вздор, сударыня!.. Да от кого вы слышали?

Княжна. Я читаю о сем, Ваше Сиятельство, вот в этой *Молве*!

Княгиня. Как! и *Молве* напечатано уже об ней?

Княжна. Да, Ваше Сиятельство!

Дремотин. Да, да, Ваше Сиятельство!

Княгиня. Подико прочти мне!

Княжна *(подходит к Княгине).* Слушайте, Ваше Сиятельство! Нынешняя комета, называющаяся *Энке*, «совершающая путь свой почти в три с половиной года, которая в следующем Мае месяце пройдет чрез точку ближайшаго разстояния от солнца, или чрез *перигелий*. Если бы сие небесное

тело было видимо и в наибольшем ея разстоянии от солнца, то она, потеряв название кометы, поступила бы в число планет нашей солнечной системы. И так, о комете, ожидаемой в нынешнем году, должны заботиться одни астрономы, а все прочие земнородные могут быть к ней совершенно равнодушными, и тем более, что ее нельзя видеть простыми глазами». — И так, теперь поверите ли, Ваше Сиятельство, что мы не только не увидим хвоста этой кометы, коего она и не имеет, но даже и ее самою.

Княгиня *(вырывает у Княжны Молву).* Вздор, сударыня, это всё вздор!.. Да кто это написал такую ахинею?

Княжна. Да это написал известный наш астроном….

Дремотин *(не понимая слов).* Да, да, астроном, Ваше Сиятельство…

Княгиня *(Дремотину).* Да и вы, Степан Степанович, это утверждаете?

Дремотин *(вздрагивает и встает с места).* Да, да, Ваше Сиятельство!… (*Подходит к Княгине).* Но в чем, матушка, главное-то дело?

Княгиня. Да разве вы не слышали, что внучка моя изволит мне утверждать вот этот вздор, напечатанный в *Молве*.

Дремотин. В Молве? — О, Ваше Сиятельство, можно ли верить чему-нибудь пустой *Молве* — она несет вздор, *настоящий вздор!* Но об чем же вы изволите спорить, Ваше Сиятельство?

Княгиня. Да о том, мой друг, что моя внучка осмелилась мне доказывать, что, будто бы, идущая к нам комета из Китая без хвоста, и мы ее не увидим!

Дремотин. Как! не увидим кометы? не увидим Меркурия?

Княгиня. Да, да!…

Дремотин *(Княжне).* Вздор, вздор, Ваше Сиятельство, это напечатано!… Увидим и в самые полдни двадцать третьяго Апреля!

Ослинский *(входит).* Что, что двадцать третьяго Апреля? *(Кланяется Княгине и Княжне).* Имею удовольствие видеть вас, Сиятельная Княгиня, здоровыми и веселыми! *(подходит к Княгине и целует ея руку).*

Княгиня. Кстати!… Просим вас решить наш спор^.

Ослинский *(прерывает).* Не о комете-ли, Ваше Сиятельство?

Княгиня. Да, да, о комете!

Ослинский. В самом деле!… А я нарочито заехал к Вашему Сиятельству, чтоб сказать слышанное

мною о сей комете, что она идет уже к нам в Россию из Китая и прекрасно лавирует своим огромнейшим, величайшим и блестящим хвостом, который столько велик, столько велик, что будет видим во всей Европе!

Княжна *(в сторону).* Следовательно мне здесь уже более говорить и не для чего и не к чему!

(Уходит из гостиной и поёт):

У нас теперь в обыкновенье
Вздор сущий правдой называть,
И тот в большом почтенье,
Кто мастер оный разглашать!
И я дивлюсь, дивлюсь премного,
Как бабушка моя Княгиня,
Всё судивши до сего престрого,
Вздор слушает и — рот розиня!

СЦЕНА III
ГОСТИНЫЙ РЯД

НЕСКОЛЬКО КУПЦЕВ СТОЯТ ОКОЛО ОДНОГО СЕДАГО ЧЕЛОВЕКА, СИДЯЩАГО НА СКАМЬЕ У СВОЕЙ ЛАВКИ.

Трактутин, *(купец лет шестидесяти).* Да, милостивые государи, сколько ни говорите, ни судите, не разсуждайте, а чему быть, друзья мои, тому не миновать! Воля Божия!…

Бульбулькин *(купец лет в сорок).* Сущая правда, мой отец! чему быть тому не миновать!… Но Бог велел также сметь — о всем суждение иметь! Так вот видите, я вам скажу, что, по моему мнению, эта комета, о которой у нас идет речь, есть ничто иное, как уже последнее небесное наказание на нашу грешную землю!

Трусоватов, *(купец лет шестидесяти).* Да, да, почтеннейшие, и я то же думаю! Да, кажется, уже и Штиллинг давным давно об этом писал?

Суеверов, *(купец лет пятидесяти).* Точно так! У меня эта и книга имеется. Но видно Штиллинг ошибся в своем вычислении: он написал, что будто бы это должно быть в 1836 году!

Незнаев, *(лавочный прикащик).* Да, ведь он вычислял по новой арифметике — сиречь Юлианскому штилю, так к нашему-то счислению и ладно будет!…

Трактутин. Нет, други мои, не верте этим шутам — вашим Штиллингам: они все пишут и печатают только одни бредни!.. Во всем воля Божия!…

Бульбулькин. Помилуйте, Влас Самсонович! Мы должны всегда верить всему печатному, ибо оно есть ничто иное, как плод мудрости!

Трактутин. Хорошаж эта мудрость! Посмотрико, что напечатано, на сих днях, в Московских ведомостях!

Бульбулькин. А что такое? Разве известие о комете-то кажется для вас удивительным?

Суеверов. Уж нечего сказать! такое удивленье, что уши вянут!

Трактутин. И они осмелились нас уверять, что мы даже не увидим и кометы!..

Трусоватов. Да оно и правда, с одной стороны: уж когда она подкатит, то досуг ли будешь на неё смотреть!…

Бульбулькин. Ах вы, други мои! кажется вы люди умные, а говорите такой вздор!…

Трактутин. Как вздор! и не уже ли ты веришь Московским Ведомостям?

Бульбулькин. Да, разумеется! ведь этот, по вашему, вздор писан одним умным и ученым Астрономом, от знания котораго не укроется ни одна небесная звездочка!

Незнаев. Уж видно подлинно умен, что если знает все звезды!

Трусоватов. Ах жаль, что вы не спросили вашего Астронома, уж не летал ли он на небо сам на ковре самолете, дабы сощитать все там звезды и кометы?

Бульбулькин. Шутки на сторону, господа! Но я могу вас уверить, что будущая в сем году комета ни чуть не опасна для земли, кроме того, то сделает много работы одним Астрономам!

Суеверов. Помилуйте! как не опасна для земли? Да мой прикащик пишет мне из Кяхты, что эта комета уже в Китае так сильно машет своим огромным хвостом, что провалилось даже от сего несколько городов!

Трактутин. Как! В самом деле? — но мой-то осел почему ничего мне не пишет?

Трусоватов. Он, может быть, не смел этем вас испугать.....!

Трактутин. Ах он бездельник эдакой!...

Бульбулькин. Но не горячитесь, Влас Самсонович! Ведь это всё вздор, и ваш прикащик наверно

умнее прикащика Елистрата Ефтигнеевича!

Трактутин. Как вздор? Что вы еще хочете толковать, батюшка! *(Суеверову).* Но не пишет ли, мой отец, что не видно-ли этого хвоста из Кяхты?

Суеверов. Нет, об этом пока еще ни слова!

Трусоватов, (*Бульбулькину).* Да как тебе не стыдно говорить, что это вздор! чорта ты знаешь!...

Бульбулькин *(разсердясь).* Да ты, можешь быть, и этого не знаешь, старая крыса! Тебе ли судить о комете, когда ты мало знаешь даже и у себя под носом!...

Трактутин. Тише, тише, господа, уж и забранились! Ведь кажется не о чем?

Бульбулькин. Как не о чем, Влас Самсонович, когда эта ничтожная тварь осмелилась меня так порочить!...

Трактутин. Но прошу вас замолчать, господа! Вон идет, верно ко мне, мой приятель Ослинский, который, будучи весьма ученым человеком из семинаристов, нас может согласить на щет мнения нашего о комете!

Ослинский *(подходит, кланяется Трактутину и жмет у него руку).* Здоровенько ли поживаете, Влас Самсоньевич?

Трактутин. Помаленечку, помаленечку, мой почтеннейший?...

Ослинский. Ну, что новинькаго у вас?

Трактутин. Какия у нас новости, мой почтеннейший! У вас я думаю их много: вы люди ученые, умные и всегда живете в большем свете!

Ослинский *(улыбается)*. Да, да, это правда!...

Трактутин. Ну что, наш отец, не слышно ли что о комете?

Ослинский. О комете? Да и у вас уже о ней поговаривают?

Трактутин. Как же, как же, мой родной, не говорить об эдаком неслыханном и небыванном чуде!

Ослинский. А что же, например, у вас о ней поговаривают?

Трактутин. Да у нас мнения разныя, мой отец! Кто говорит, что будто бы она будет с хвостом, кто — без хвоста, а есть и такие вольнодумцы *(взглянув на Бульбулькина)*, что утверждают, будто бы мы её и не увидим!..

Ослинский. Как! кометы не увидим? Вздор, сударь, вздор, сударь! и кто это осмелился утверждать, тот глупейший из людей!

Трактутин. Так по вашему мнению она будет и мы её увидим? Вы ведь люди ученые и все знаете!..

Ослинский *(поправляя свои очки).* Да, да, как

же нам не знать этой безделицы!.. И я вас могу уверить, что комета непременно будет, и — очень скоро?

Трактутин. И с хвостом, наш отец?

Ослинский. Разумеется с хвостом! Если бы была без хвоста, то не называлась бы кометой, а просто именовалась бы — планетой!.. Сверх того заметьте, что хвост ея, как пишут в Китайских газетах, простирается на несколько тысяч верст, и когда она вступит в Россию, то оный будет виден по всей Европе и Африке!...

Бульбулькин *(в сторону).* Ах! за чем я имею уши, чтоб слышать этот вздор ученаго осла! (Уходит к своей лавке и поёт:)

Ай, ай, ученейший народ!
Очки на нос надевши
О всем уж судит не робевши,
Не думая, что всё ведь врет!...
И наша братия купцы,
Не понимавши вздорных слов
У этих глупеньких ослов, —
Суть настоящие глупцы! (bis.)

СЦЕНА IV
КОМНАТА
В ДОМЕ КУПЦА СУЕВЕРОВА

ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ СЫН СУЕВЕРОВА СИДИТ У СТОЛИКА И ЧИТАЕТ КНИГУ. У ДРУГАГО СТОЛА СИДИТ ЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЯЯ МАТУШКА, А НА СОФЕ СИДИТ ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ЕГО БАБУШКА.

Бабушка. Ну, что нашел-ли, Николинька, это предсказание господина Шиллинга?

Николинька. Нашел, бабинька! он пишет, что это должно быть *в тысяча восемьсот тридцать шестом году!*

Мать. Он можешь быть ошибся в летосчислении!

Бабушка *(качает головою).* Ох! Грешные мы люди, грешные!....

Николинька *(перестав читать книгу).* Да чтож вы, бабинька, так безпокоитесь — ведь комета-то не очень опасна для земли!

Бабушка. Как не опасна? как не опасна?.... Но что с вами говорить: люди вы молодые и еще очень мало смыслите!

Николинька. Ах, бабинька! вы обидите меня этим, сказавши, что мы люди молодые и мало смыслим! *(Встает)* Разве вы уже забыли, что я учился и, выдержав экзамен, могу сказать без стыда, что я *(повертывается к зеркалу и смотрится в него)* уже значу кой-что и в свете!...

Бабушка *(вздыхает).* Ох вы, люди молодые, люди молодые!... согрешили мы грешные!...

Мать. Маминька! полно-те безпокоиться: вы разстроите свое здоровье!

Николинька *(подходит к бабушке).* Но слышали-ли вы, бабушка, что писано о комете-то в Московских Ведомостях?

Бабушка. Нет не слыхала! А что такое?

Николинька. А то, что в них уверяют, будто бы мы кометы-то и не увидим.

Мать. Как не увидим? Да она уже в Китае и Кяхте видима!

Бабушка. Да, да, и Елистрат Ефтигнеевич сказывал, что ему об этом писано из Кяхты!

Николинька. Не верте этому вздорному письму! Вспомните, что наш прикащик, живущий в Кяхте, очень глуп и, при всем том пьяница, и не удивительно, что вздор этот о комете он написал с слов какого-нибудь трактирнаго служителя?

Мать. Как! и ты не веришь, что в Китае видима

комета? — Да в этом уже уверена вся Москва, и даже некоторые утверждают что будто бы комета имеет еще хвост, от котораго уже провалилось несколько городов в Китайской Империи!

Николинька. Ха, ха, ха!... Комета имеет хвост!... Ха, ха, ха!... Ха, ха, ха!...

Суеверов *(входит).* Что за шум?

Николинька. Скажите, папинька, можно ли удержаться от смеха, слушая маминьку и бабиньку, которыя хотят уверить меня, что будто бы, по их мнению, идущая к нам из Китая комета с хвостом...

Суеверов. Да, да, с хвостом!.. Чему ж ты смеешся?

Николинька. И вы верите?

Суеверов. Разумеется! Да как же и не верить, когда утверждают и доказывают такия почтеннейшия и ученейшия особы!...

Николинька. А кто бы например?

Суеверов. Да ведь ты знаешь Ослинскаго?

Николинька. Знаю-с! *(В сторону).* Как не знать этаго глупца!...

Суеверов. Он-то вот нас нынче и уверил и яснейшим образом доказал нам, что комета, идущая из Китая, суть наиужаснейшая для нашей земли, и хвост ее столько велик, что и меры нет! Сверх

того он говорит, что от этой кометы люди должны сделаться зверьми, а звери рыбами, а рыбы птицами, а птицы — и Бог знает чем!…

Николинька *(в сторону).* Нет терпения более слушать! *(Бежит из комнаты и поёт):*

Когда Ослинский разглашает
О вздоре, правде ли какой,
То вся Москва узнает
Об этой новости большой!
Он имеет вход всегда:
И в гостиную к Княгине,
И в уборную к Графине,
И в лавочку к Купцу,
И в кабинетец к Мудрецу,
И — к Вельможе иногда!

СЦЕНА V
КНИЖНАЯ ЛАВКА

КНИГОПРОДАВЕЦ,
ЕГО ПРИКАЩИК И ПОКУПАТЕЛЬ.

Покупатель *(входит).* А что, батюшка, нет-ли у вас какой нибудь книжечки о нынешней комете?

Книгопродавец. Нет-с нету!

Покупатель. Ах, какая досада! А очень бы нужно!

Прикащик. Да о каких, сударь, кометах вам нужно? Не Астрономию ли-с?

Покупатель. А что такое Астрономия?

Прикащик. Астрономия есть книга, сударь, в которой описана наука узнавать все кометы, планеты, звезды и проч. и проч.

Покупатель. Я думаю, в ней есть кой-что написано и о нынешней комете, которая в Китае машет своим хвостом и идет уже к нам в Россию?

Прикащик *(подает книгу).* Как же, должна быть!...

Покупатель *(смотрит книгу).* Хорошо! А цена?

Прикащик. Решительная, сударь, десять руб-

лей!

Покупатель. Но нет ли у вас книги… ах, название-то я её забыл!..: сочинение Штиллинга, который написал, что будет в 1836 году, и толкования его на Апокалипсис!

Книгопродавец. Есть, есть, сударь!

Прикащик, *(подает книгу).* Извольте, сударь! Этали-с?

Покупатель. Эта, эта самая!… А цена?

Книгопродавец. Она теперь в цене — пятьдесят рублей ассигнациями!

Покупатель. Ах, как дорого!.. Но я думаю, что будет уступка?

Книгопродавец. Книга очень редкая и кроме моей лавки ни у кого не найдете!

Покупатель. Но скажите! не будет-ли у вас особенной книжки об этой комете, о которой ныне везде говорят, как в трубу трубят?

Книгопродавец. Может быть, будет, и мы объявим тогда о ней в газетах!

Покупатель. И так какая решительная цена за эте обе книги?

Книгопродавец. Чтобы не торговаться: шестьдесят рублей!

Покупатель. Ах, очень дорого!…. Нельзя ли взять сорока рублей?

Книгопродавец *(завертывая книги в бумагу).* С вас только, по знакомству, пятьдесят рублей возьму!…

Покупатель *(вынимая деньги).* Нечего делать — надобно заплатить! Книги, кажется, хорошия!…

Книгопродавец. Отличныя, сударь, книги, отличныя!

Прикащик. Ведь самыя любопытнейшия и редкия, сударь!

Покупатель *(отдает деньги и берет книги).* Впрочем я надеюсь, что у вас будет и особенная книжка о нынешней комете!.

Книгопродавец. Может быть, сударь, может быть!… Тогда просим покорно вас пожаловать к нам за нею!…

Покупатель. Хорошо! Хорошо!… И так прощайте! *(Уходит).*

Книгопродавец. Прощайте-с!…. *(Про себя).* Разве съездить к Мыслинскому и заказать ему написать кой-что об этой комете! Книга будет входу! Люди почти с ума сошли, думая об этой комете!…

Теперь мне можно, кажется, сказать, А это, хоть сей час, легко и доказать, Что люди — с умом опасны, А без ум а — ужасны!

Г-М КРИТИКАМ.

Есть Авторы у нас,
Которы пишут назаказ.
Они на Критики не злятся
И рецензий не боятся!
А строгим Журналистам,
Или глупейшим Егоистам,
Вот их ответ —
Известнейший куплет:
«Один напишет вздор,
Другой на то разбор;
А узнать труднее,
Кто кого — умнее!»

К О Н Е Ц.

ПРИМЕЧАНИЯ

Дмитрий Иванович Сигов (ок. 1800 — после 1837) — литератор, чиновник. Служил, предположительно канцеляристом, в Ведомстве горных заводов. В 1833 г. переехал на Урал, служил на Верхне-Исетском заводе близ Екатеринбурга. Помимо включенных в настоящую книгу произведений, выпустил комедии «Модное воспитание» (1830) и «Деревенская красавица» (1832), аллегорию «Умственная революция, или Война романтизма с классицизмом» (1831), «русский нравоописательный роман» «Граф Любский, или Любовь и кокетство» (1832), а также авторский альманах «Утренняя звезда» (1831) с собственными графоманскими стихами и прозой. В 1837 г. рукопись романа Сигова «Раскольники» была запрещена к печати Петербургским цензурным комитетом за изображение кровосмешения, разврата и изуверства.

«Путешествие в Солнце и на планету Меркурий» и «Толки московских жителей» были вызваны заранее вычисленнымм появлением кометы Биэлы 3D/Biela (которую автор в одном

месте ошибочно называет кометой Энке) в 1832 г. Расчет орбиты кометы показал, что она пересекается с орбитой Земли, что вызвало всевозможные страхи и толки о конце света — несмотря на опровержения астрономов и тот факт, что Земля должна была оказаться в точке «встречи» на месяц позже кометы. В 1846 г. было установлено, что комета распалась на две или большее количество частей; после 1852 г. комета Биэлы не наблюдалась. Предполагается, что ее фрагменты выпадали на Землю с 1872 г. в виде метеорного дождя, известного как Андромениды (Биэлиды) и позднее исчезнувшего.

В тексте «Толков московских жителей» часто упоминается Штиллинг, его «толкования на Апокалипсис» и предсказания «светопреставления» в 1836 г. Речь идет о немецком ученом и писателе И. Г. Юнге-Штиллинге (1740–1817), авторе ряда романов и сочинений религиозно-мистического толка, который был весьма популярен в Европе и России и в определенных кругах мистиков считался пророком. Его обширные комментарии к Откровению Иоанна («Победная повесть, или Торжество веры христианской») были изданы в Петербурге в 1815 г. Юнг-Штиллинг считал, что в 1836 г. в Средней Азии произойдет битва с Анти-

христом; эти эсхатологические ожидания прямо или косвенно отразились во многих явлениях русской культуры 1830-х гг.

Тексты публикуются по первоизданиям 1832 г. без изменений, за исключением замены упраздненных ъ, і и Ъ.

М. Ф.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ
· ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т. п.